

О. В. Скобелкин

§ 6.4. Белгородские тюремные сидельцы в 1676/77 г.

Так называемые годовые сметные книги городов Белгородского полка давно известны исследователям¹. Если предельно кратко охарактеризовать этот вид источников, то он представляет собой присланные в Белгород и помещенные в единую книгу своего рода статистические отчеты воевод и приказных людей за год. Отчеты эти содержат данные о должностных лицах города и уезда, именные списки служилых людей городской службы (люди полковой службы здесь не учитывались) и “жилецких” людей, а также членов их семей мужского пола, сведения об укреплениях, артиллерии, оружии, различного рода запасах. Кроме того в годовых сметных книгах имелась еще информация о “тюремных сидельцах”; для нее в отчетах имелась специальная рубрика “В тюрьме сидельцов”.

Белгород, хотя и был административным центром полка, по числу заключенных (18 человек) находился в 1676/77 году лишь на 3-м месте после Воронежа (32 человека²) и Ельца (28 человек³).

Что же за люди сидели в белгородской тюрьме, когда и за что они туда попали?

Дольше всех в заключении находились два жителя Хотмышка – “роспоп Акимко да брат ево дьячок Авдюшка Зубков”. В тюрьму они попали в 1668/69 году “по челобитью хотмышен в татином деле”⁴. Из этой записи, к сожалению, нельзя понять, совершил ли Аким преступление, будучи священником и расстригли его уже после задержания, или же он лишился сана еще до того, как совершил “татьбу”.

В 1671/72 году в тюрьму был посажен белгородский рейтар Макар Бочков. Он задолжал рейтарскому ротмистру Дементию Холину (по-видимому, своему начальнику) деньги “по кабале” и по

¹ См., например: Оглоблин Н. Н. Обзор историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа // ОДИБ МАМЮ. М., 1884. Кн. 4. Отд. 2. С. 225–228; Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 14–15 и др.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1096. Это число помещено в итоговых данных по городу; анализ персонального состава “сидельцев”, возможно, заставит его несколько скорректировать.

³ Там же. Л. 286–287 об., 291–292. В итоговых данных по городу ошибочно дано 27 человек.

⁴ Там же. Л. 86 об.

челобитью кредитора оказался в заключении¹. Остается только гадать, почему рейтару или его родственникам за пять лет так и не удалось погасить долг (“недоплатные деньги”).

В следующем 1672/73 году в белгородскую тюрьму попал еще один должник, но на этот раз перед бюджетом: чугуевец Василий Зубков “в таможенном и кружечного двора в деле прислан ис Приказу Денежного збору”². Судя по всему, Зубков был головой таможенного и кружечного двора в Чугуеве. Финансовое ведомство, которому он был подотчетен, обнаружив какие-то неисправности в его работе (с деньгами, разумеется), по-видимому, вызвало его в Москву, провело следствие и по его итогам распорядилось о заключении чугуевца в белгородскую тюрьму.

В “182-м” (1673/74) году в тюрьме появились трое новых заключенных.

Во-первых, за “пчелиную кражу” был посажен белгородский стрелец Никита Фролов, на которого пожаловался пятидесятник (по-видимому, стрелецкий же; следовательно, начальник Фролова) Иван Иванов. Здесь же составители отчета добавили пояснение: “и во многих воровствах винился”³. Это можно истолковать, как минимум, двояко. С одной стороны, надо полагать, что оказавшись в заключении и одновременно под следствием, Фролов признался еще в каких-то преступлениях, причем против государства. С другой стороны, не исключено, что на стрельца попросту “повесили” чужие “дела”.

Во-вторых, в белгородскую тюрьму был посажен холоп или слуга (“человек”) хотмышского рейтара Ивана Костринского за “лошадиную кражу”⁴.

В-третьих, там же оказался и белгородец Кирей Писклов (его социальный статус неясен) за кражу из лавки тульского посадского человека⁵. В записи о Писклове есть добавление: “в вытных деньгах”. В данном случае этот многозначный термин означал, скорее всего, компенсацию потерпевшему. Однако из записи неясно, на протяжении трех лет Писклов находился в тюрьме за факт кражи или

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. Л. 86 об. – 87.

⁴ Там же. Л. 87.

⁵ Там же. Л. 87.

за неуплату вытных денег, или же за то и за другое вместе. Кроме того, упоминание этих денег может косвенно указывать еще на одну деталь: возможно, что кража в лавке была совершена несколькими людьми, но “подельники” Писклова заплатили вытные деньги и к 1676/77 году были освобождены.

В следующем 1674/75 году в тюрьму был посажен житель города Змиева черкашенин Тимофей Цыпкарка “в богоборном деле”¹. В чем заключалось это “дело” – остается только гадать.

В 1675/76 году (т. е. в год, предшествующий составлению анализируемой сметной книги) в тюрьму в Белгороде попали сразу восемь человек².

Во-первых, это был гулящий человек Осип Федоров “в лошадиной краже”.

Во-вторых, за аналогичное преступление в тюрьму была посажена целая группа конокрадов из шести человек: ольшанский сын боярский Мина Смирного, гулящие люди из Курска Фока Федоров и Иван Понтелеев, харьковчане Филат и Фока Афанасьевы (по-видимому, родные братья) и цыган Василий Прокофьев (возможно, тоже из Харькова).

В-третьих, за ограбление тульского рейтара Ивана Бурцова стал “тюремным сидельцем” белгородский черкашенин Кондрат Довыдов.

И, наконец, в год составления белгородского отчета, т. е. в 1676/77 году, два человека – вдова рейтарского поручика Ульяна Бенклера Мария “да челядник ее Андрюшка Перемышлев” – оказались в тюрьме за тяжкое преступление. “<...> она, Марьца, с ним, Андрюшкою, сживая блудно, мужа своего Ульяна удавили до смерти и в том с пытки винулись”.

Подведем некоторые итоги.

Прежде всего, приведенный выше “моментальный снимок” обитателей белгородской тюрьмы в “185-м” году не может дать нам статистику преступлений и/или статистику “посадок” на протяжении какого-либо промежутка времени: часть посаженных, скажем, в “180-м” году к “185-му” году могла быть выпущена на свободу и в книгу “185-го” года, естественно, не попала. Для получения ма-

¹ Там же.

² Там же. Л. 87–87 об.

териала, пригодного для статистической обработки, необходимо привлекать данные всех сохранившихся годовых сметных книг за тот или иной хронологический отрезок.

В то же время и полученная “картинка” дает весьма любопытную информацию.

Во-первых, мы видим, что часть иногородних заключенных определенно совершила преступления не в Белгороде или на территории Белгородского уезда, а, так сказать, у себя дома (но на территории городов и уездов Белгородского полка. И, тем не менее, они содержались не там, а в тюрьме Белгорода – административного центра полка. Речь идет о распопе и дьячке из Хотмышска и о чугуевском экс-начальнике таможни и казенного питейного производства. Допустимо предположить, что власти опасались связей осужденных со своими земляками и уездными должностными лицами (а такие связи неминуемо должны были возникнуть в ходе их профессиональной деятельности), могущих привести к незаконному освобождению или каким-то иным нежелательным эксцессам. Именно поэтому их и поместили не, соответственно, в хотмышскую и чугуевскую тюрьмы, а в тюрьму административного центра Белгородского полка.

Во-вторых, наблюдается некоторая нечеткость в использовании специальной терминологии составителями белгородского отчета. Так, в описательной части книги действия белгородского черкашенина Довыдова названы грабежом, в итогах же он был включен в число тех, кто сидит в тюрьме “в краже”¹. Впрочем, нечеткость терминологии (и не только юридической), как уже не раз отмечалось исследователями, была характерной чертой делопроизводственной документации в Московском государстве.

¹ Там же. Л. 103.

